

Николай Ефимович Эфрос

**Мария Николаевна
Ермолова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э94

Э94 **Эфрос Н.**
Мария Николаевна Ермолова / Николай Ефимович Эфрос – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 183 с.

ISBN 978-5-521-39348-0

ISBN 978-5-521-39348-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Presque tous les acteurs et actrices qui se sont fait un nom au théâtre ont cultivé cet art... malgré les adversités qui les ont frappé dans leur jeunesse, malgré toutes les humiliations, les dégoûts, les découragements..., cortège effrayant de la misère qui fait tant de fois mourir à sa naissance la sève du génie. Et cependant, malgré toutes ces entraves formidables, la nature, victorieuse de tous les obstacles, à été toujours plus forte que le malheur et l'éducation.

Voltaire.

ездѣльники!.. Негодяи!..
Мерзавцы!.. Не хочу
только пятнать объ-
вась свою благород-
ную шпагу...

Донъ Сезарь де-Базанъ, въ висящемъ лохмотьями плащѣ, въ изодранной шляпѣ, съ длинною шпагою на бичевочной перевязи, погрозилъ кулакомъ по направлению къ гостинницѣ и невѣрною поступью прошелъ черезъ всю сцену къ правой кулисѣ. Онъ пьянъ, пошатывается; но вся его фигура въ рубищѣ полна благородной дерзости, граціи и красоты. Въ каждомъ жестѣ чувствуется немного безпутная, не умѣющая сдерживаться, но истинно-аристократическая, молодая душа...

Самаринъ прекрасенъ... Сегодня онъ какъ-то особенно въ ударѣ.

По биткомъ набитой залѣ Малаго театра пробѣжалъ шопоть восторга. Артистъ однимъ своимъ появленіемъ сумѣлъ очаровать зрителей, завладѣть всѣмъ ихъ вниманіемъ и всѣми ихъ симпатіями.

Худенькая, длинная дѣвочка, съ русою головкой, вся вытянулась и замерла. Сверкають большіе каріе глаза, полураскрылись губы, лѣвая рученка все крѣпче сжимаетъ край грязной суфлерской скамейки. Въ будкѣ душно, пахнетъ краской и копотью, неудобно висятъ ноги, мѣшаютъ огни, мѣшаетъ раздающійся рядомъ внятный шопоть. Но дѣвочка ничего не замѣчаетъ. Ея маленькое тѣльце, въ убогомъ ситцевомъ платьѣ—здѣсь, въ суфлерской раковинѣ; но воображеніе — далеко, въ чудномъ, сказочномъ мірѣ, гдѣ совершаетъ свои подвиги и продѣлки Донъ Сезарь, и поетъ Маритана... Сцена съ пестро расписанными декораціями, мишурнымъ золотомъ и бутафорскими шпагами — уже не сцена. Она реальнѣ самой дѣйствительности... И все властнѣ чары, все сильнѣ вытягивается дѣвочка, все слаще замираетъ дѣтское сердце въ художественномъ восторгѣ.

Актеры и не подозреваютъ, какая у нихъ зрительница!

Эта, отдѣленная отъ остальной публики тонкими стѣнками будки зрительница—будущая великая артистка, законная гордость русскаго театра, Марія Николаевна Ермолова.

Въ полумгль суфлерской будки вспыхнула впервые страсть къ театру, которая потомъ нашла себѣ такой блестящій выходъ; зародились первые мечты о сценѣ, которымъ суждено было черезъ много лѣтъ сбыться такимъ прекраснымъ образомъ, несмотря на всѣ, поставленныя судьбою и людьми преграды. Лишній разъ оправдались краснорѣчивыя слова Вольтера, какія поставлены въ началѣ этого очерка.

Дѣвочка, такъ жадно слѣдившая за представленіемъ „Испанскаго Дворянина“ и на всю жизнь сохранившая о немъ яркое воспоминаніе, принадлежала къ театральной семьѣ. Цѣлыя поколѣнія Ермоловыхъ такъ или иначе служили московскимъ театрамъ, были съ ними связаны крѣпкими, непорывающимися нитями. Если благополучно складывались обстоятельства, если судьба благословляла святымъ да-

ромъ таланта,—Ермоловы выходили въ актеры; а то они оставались на всю жизнь въ послѣднихъ рядахъ кордебалета, десятки лѣтъ покорно танцовали у воды, опускались до суфлерской будки и капельдинерскаго фрака. Прослѣдить, какъ зародилось это театральное гнѣздо, доискаться до начала связи Ермоловыхъ съ театромъ, мнѣ, несмотря на всѣ старанія, не удалось. Свѣдѣнія не идутъ дальше дѣда героини настоящаго очерка, Алексѣя Ермолова. Онъ состоялъ въ двадцатыхъ годахъ помощникомъ гардеробмейстера, получалъ съ дирекціи въ буквальномъ смыслѣ гроши, на которые и содержалъ громадную семью—жену; четырехъ сыновей, двухъ дочерей. Театральная школа пріютила все это многочисленное потомство. Послѣ школы Большой театръ принялъ къ себѣ дочерей и двухъ сыновей, Малый театръ — двухъ другихъ: одного — актеромъ, другого, отца Маріи Николаевны,—вторымъ суфлеромъ, для водевилей и пьесъ съ пѣніемъ, бывшихъ въ ту пору въ большомъ ходу, на нищенскій 170-рублевой окладъ. Семья была стараго, патріархальнаго склада, не дѣлилась: сыновья и послѣ

женитьбы продолжали жить вмѣстѣ съ отцомъ, гдѣ-то у церкви Благовѣщенія, на Тверской. Здѣсь же родился у Николая Алексѣевича, 3 іюня 1853 г., первый ребенокъ, будущая великая артистка. А года черезъ три Николай Алексѣевичъ, отступая отъ традицій семьи, рѣшилъ отдѣлится и перебрался съ женою и дочерью въ Каретный рядъ, въ крошечный домикъ просвирни Войновой, за церковью Спаса на пескахъ.

И посей день стоитъ въ своемъ прежнемъ видѣ этотъ домикъ, съ бѣлымъ каменнымъ низомъ и деревяннымъ верхомъ, гдѣ протекло въ неприглядной, нищенской обстановкѣ все дѣтство Маріи Николаевны. Совсѣмъ ушелъ въ землю нижній этажъ, по-просту подвалъ, и глядитъ изъ-подъ земли на церковь тремя маленькими, подслѣповатыми окошками. Зимою заноситъ ихъ снѣгомъ, рѣдко заглядываетъ въ нихъ солнечный лучъ; въ трехъ комнаткахъ, изъ которыхъ одну Ермоловы сдаютъ отъ себя внаймы какой-то нѣмкѣ, мадамъ Муръ,—почти совсѣмъ темно, сыро, неприглядно... Съ утра—сумерки... Въ углу надъ чѣмъ-то безшумно хлопочетъ безмолвная, робкая

мать. У окна стоитъ, еле доставая до него бѣлокурою головою, отецъ, всегда раздраженный, нервный, измученный нуждою, неудачами, страхомъ передъ сильными театральнаго міра. Дожидаясь рыдвана, который повезетъ его въ театръ, онъ перелистываетъ тетрадку съ пьесой. У другого окна взобралась на стулъ Машенька, съ не по-дѣтски грустнымъ, задумчивымъ лицомъ; съ трудомъ, по складамъ разбираетъ она какую-то книжку, конечно—то-же пьесу. По пьесамъ выучилась дѣвочка читать, пьесы же были единственнымъ ея чтеніемъ. Другихъ книгъ не водилось въ ермоловскомъ подвалѣ... Дѣвочку не пришлось пріохотить къ этимъ дранымъ, захватаннымъ тетрадкамъ, испещреннымъ всякими помѣтками. Она сразу приистрастилась къ нимъ, съ радостью промѣняла на нихъ дѣтскія игры. Въ памяти всѣхъ, кто зналъ Ермолову ребенкомъ и въ отроческіе годы, она навсегда осталась съ неизмѣнною пьесою въ рукахъ. Иначе, безъ тетрадки, они ее и вообразить себѣ не могутъ.

Въ этомъ чтеніи была вся ея отрада. На изображеніи чужихъ радостей и го-